

Сектор теории познания как тип философского общения, или О роли знания в культуре *

Б.И. Пружинин

В силу многообразия философских концепций и необходимости их соотнесения принципиальную роль для динамики знания играет особый тип общения, складывающийся внутри философского сообщества. Специфика философского общения связана прежде всего с признанием ее участниками экзистенциальной обусловленности знания. Бесспорно, признание ценности знания в той или иной мере присутствует в деятельности любого научного сообщества, но для философии оно приобретает особую значимость. Общение является условием положительной динамики философии во всех ее областях. В статье этот тезис обосновывается на примере исторического опыта сектора теории познания Института философии Российской академии наук, сорокалетие которого отмечается в 2018 г. В ходе совместной работы членов сектора отступали различия в их концептуальных позициях, и преобладало внимательное отношение к иным, зачастую противоположным, взглядам. Автор вспоминает, как общались сотрудники сектора, придерживавшиеся различных философских установок, как они внимательно прислушивались к доводам друг друга, не отступая от собственных воззрений. Аргументируя эту позицию, автор также опирается на опыт подготовки конференций на базе сектора теории познания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: теория познания, знание, коммуникация, общение, личностные установки, историческая традиция.

ПРУЖИНИН Борис Исаевич – доктор философских наук, главный редактор журнала «Вопросы философии», профессор Школы философии Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.

prubor@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25 мая 2018 г.

Цитирование: *Пружинин Б.И.* Сектор теории познания как тип философского общения, или О роли знания в культуре // *Вопросы философии.* 2018. № 10. С. 13–19.

Мне часто приходилось слышать, что теория познания потому и продвинулась у нас в стране в советские годы, что располагалась по самой сути своего предмета в изоляции от актуальных для того времени социальных проблем. Отчасти это верно. Но когда я стал вспоминать и осмысливать свой опыт работы в секторе теории познания Института философии и некоторые факты из его истории, понял, что верно это лишь в весьма незначительной степени. Те, кто занимался в то время проблемами теории познания, действительно работали в стороне от официально дозволенных тогда форм и способов разработки социальной тематики. В «сторону» ушел и я.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-01204 «Журнал, Конгресс, Энциклопедия: становление форм междисциплинарной коммуникации в философии XX века (исследование по культурно-исторической эпистемологии)». The research is carried out at expense of RFBR, project Journal, Congress, Encyclopedia: the formation of interdisciplinary communication forms in the XXth century philosophy (a study on cultural-historical epistemology).

На второй курс философского факультета МГУ я вернулся из армии как раз под пленум ЦК КПСС, на котором, как известно, отстранили от власти Н.С. Хрущева. И случилось так, что до и после этого события я прослушал весьма пламенные, вполне обоснованные, но идеологически противоположные лекции одного преподавателя. Прослушал и понял: «любовь к мудрости» и такого рода «обоснования» ничего общего друг с другом не имеют. К тому же феномен научного познания интересовал меня куда больше, чем тогдашние социально-политические баталии. И в качестве специализации я выбрал методологию естествознания. Однако, делая этот выбор, я все же отдавал себе отчет в том, что философский вопрос об истине всегда актуален также и в социальном плане (тем более что естественнонаучным материалом для моих гносеологических упражнений служила биология, освобождавшаяся в это время от лысенковщины). А в секторе диалектического материализма (позднее, секторе теории познания), куда я был принят после аспирантуры, я в социокультурной актуальности эпистемологии как основания философии убедился воочию.

Я начал работать в секторе после окончания аспирантуры философского факультета МГУ. Правда, предварительно поработал несколько месяцев оператором почтового цеха (грузчиком) на станции «Москва-Киевская». Так получалось, что как только я заканчивал что-либо в своем философском образовании – факультет, аспирантуру, случалась очередная арабо-израильская война. Ну, в общем, не брали меня на преподавательскую работу. Но тут за меня похлопотал замглавного редактора журнала «Философские науки», однокурсник по философскому факультету МГУ и друг моего брата Семена Исаевича Пружинина Лев Владимирович Скворцов, он попросил заведующего кафедрой этики МГУ Александра Ивановича Титаренко помочь мне устроиться на работу, а Титаренко попросил Владислава Александровича Лекторского... И вот, я присутствую на первом в моей жизни заседании сектора. Что обсуждали тогда, не помню, но сама стилистика дискуссии меня поразила. Хотя я и прежде присутствовал на коллективных обсуждениях, но в этом случае я буквально испытал шок. Совершенно разные, зачастую диаметрально противоположные по своим взглядам люди стремились вникнуть в суть проблемы вместе. Их прежде всего суть дела волновала, и потому иное мнение воспринималось как важный фактор уяснения сути этого дела. Обсуждалось нечто реально волнующее всех, и поэтому фактически обсуждалась и оценивалась исследовательская и экзистенциальная перспектива прониновения в тему, а эффективность своих позиций каждый оценивал для себя сам.

Признаюсь, собственно философские основания такого рода совместности я уяснил далеко не сразу. Сначала мне казалось, что сотрудники сектора – просто интеллигентные люди, а потому и дискутируют корректно, без личных выпадов. Но дискуссии-то случались достаточно резкие, и реплики бывали довольно жесткие. И постепенно я начал понимать: на моих глазах идет совместная философская работа – отыскиваются ответы на очень важные вопросы, значимость которых превалирует над личными амбициями. Личностная составляющая исследования была здесь ориентирована совсем иным образом. Представления о наиболее правильных путях и методах поиска ответов у каждого, естественно, были свои. В секторе работали «ставшие» философы, рефлексивно проработавшие собственные позиции весьма основательно, но цель своей философской работы они видели отнюдь не в том, чтобы утвердиться на этих позициях. Их целью было найти общезначимые ответы на фундаментальные смысложизненные вопросы, и потому они считали нужным не только обязательно поделиться найденным, но и услышать суждения других людей, также ищущих ответы на эти вопросы – услышать их в дискуссиях, в разговорах, в свободном общении (скажем, на лестничной клетке пятого этажа, где дозволялось курить). Вообще же формы общения между сотрудниками сектора были очень разными (от заседаний сектора – вполне официальных, с обязательным протоколированием сказанного, до вольных разговоров в «стекляшке»¹), но в любом случае работа над волнующими философскими сюжетами шла в непрерывном общении, она была в него погружена.

И насколько позиции участников обсуждений были открытыми, настолько эти позиции постоянно корректировались ими самими.

Конечно же, степень, так сказать, концептуальной открытости была у разных членов сектора разной. Но я видел, что все, кто действительно творчески работал, постоянно преодолевали в себе гордыню идейной завершенности, т.е. соблазн своего рода самозамкнутого концептуального конструкционизма. Они отдавали себе отчет в том, что их дело имеет вполне определенные социокультурные проекции, а стало быть, и вполне реальные жизненные последствия. Эта личная ответственность перед человечеством (позволю себе высокий стиль) не провозглашалась, не обсуждалась, не демонстрировалась, она подразумевалась и реализовывалась в работе. И именно эта личностный компонент составляла основу общения членов сектора, общения, в которое погружались весьма уточненные эпистемологические темы. Сегодня, осмысливая свой опыт работы в секторе, я вполне уверенно могу сказать, что только так, в контексте таким образом ориентированного общения и может разрабатываться актуальная философская проблематика. И я рискну утверждать, что лишь в общении, включающем личностный компонент такого рода, может становиться живая философская мысль.

Сотрудники сектора придавали знанию статус важнейшего элемента культуры, они стремились уяснить истоки его самоценности и способы исторического функционирования. В этом заключалась их личная позиция, за которую они, между прочим, зачастую расплачивались жизнью – Ильенков, Трубников, Никитин. И именно эта личностная направленность исследовательской работы буквально заставляла их прислушиваться к мнению коллег, заставляла вникать в иные точки зрения, в иную аргументацию. Именно так они совершенствовали собственную позицию, а отнюдь не путем погружения в изолированное совершенствование собственных теоретических конструкций. В этом члены сектора были едины, на этом строилось их общение.

Мне представляется, что сегодня важно подчеркнуть именно эту сторону работы сектора. В условиях, когда темпы и масштабы философской работы приобретают характер поточного производства, важно вспомнить и акцентировать именно эту ориентированность на общение. Когда исследователю некогда читать чужие работы, некогда слушать чужие рассуждения, а надо публиковаться, публиковаться, публиковаться и выступать, выступать, выступать... И отчитываться. В условиях, когда массив опубликованного и высказанного столь велик, что действительно нет никакой возможности все прочесть и услышать, важным для существа дела, которым занимаются философы, становится ориентирующая роль внутренней ответственности перед философией – «интереса», о котором писал философ-антиковед Я.Э. Голосовкер: «“Интересное” как *диалектически интересное*: т.е. интересное, в котором заключено и мое влечение, и самый предмет (объективно интересное), и мое отношение к предмету (субъективно интересное), и все вместе взятое как единство, как одно целое: это и есть... монотриада интересного» [Голосовкер 2010, 213]. Сегодня можно говорить уже об эпистемологической эффективности этого концепта. Наш современник, канадский психолог Уоррен Торнгейт писал, что именно оценка исследовательских интересов и предпочтений позволяет уловить тенденции в современной перенасыщенной информационными потоками и публикациями науке: «В эпоху, когда ежегодно публикуется более миллиона научных работ, когда мы занимаемся столь узко специализированными проблемами, что нам едва удается общаться даже с собственными коллегами, именно та часть нашей работы, которую можно назвать искусством, – то, что заставляет нас обращать на что-либо внимание или, наоборот, что-либо игнорировать – будет оказывать все более сильное влияние на траекторию развития науки» [Торнгейт 2015, 495]. Это рассуждение Торнгейта сегодня, когда в год появляется более миллиона публикаций в самых различных областях гуманитарного знания, приобретает методологический смысл также и применительно к философии, которая конституируется как сложное переплетение (или «монотриада») различных интересов. Здесь очевидно созвучие с идеями Якова Эммануиловича Голосовкера, о кото-

рых Торнгейт столь же, очевидно, не знал: интерес — это та мотивация, которой понастоящему движет знание: «Высшее выражение... интереса Ума — это интерес к идее как к смыслообразу. В сущности, под этим скрывается интерес к знанию. <...> Опыт размышлений над “интересным” найдет продолжателей среди тех, кто проникнет в мое понимание философии как искусства — но искусства особого» [Голосовкер 2010, 231, 268]. Эта личностная заинтересованность в общении как составляющая исследовательской работы чрезвычайно важна в сфере гуманитарного познания, но особенно она значима для философии.

И потому, отмечу, столь важно участие в конгрессах, конференциях, семинарах, «круглых столах», где, однако, подчеркну, возможно прямое общение, где превалирует общение, ориентированное на осмысление реальности, а не на отчет, и где, стало быть, может быть услышано мнение коллег. В секторе теории познания этот пронизывающий общение интерес к сказанному коллегами, создавал, если угодно, особую ауру. Надо сказать, кое у кого эта аура вызывала раздражение, но важнее было другое — она и притягивала к себе тех, кто хотел философствовать, хотел понять смысл происходящего. И их отнюдь не отпугивала абстрактность обсуждаемых теоретиками познания сюжетов.

Я помню, какие разговоры, какие встречи и диалоги разворачивались на звенигородских конференциях по рациональности, организованных на базе сектора теории познания. Какая там была атмосфера общения. Приезжали А.Ф. Зотов, Б.С. Грязнов, Л.М. Косарева, М.К. Мамардашвили, С.Б. Крымский, Н.И. Кузнецова, М.А. Розов и др. Поучаствовать в них стремились аспиранты из других секторов Института, участвовали сотрудники ИИЕТА. Это был разговор людей, стремящихся осмыслить реальность познания и ее проблемы. И именно это стремление образовывало поле их общих дискуссий — проблемное поле философской теории познания. Слушали друг друга, чтобы спорить и спорили, чтобы понимать друг друга. Концептуально-техническая, так сказать, сторона разработки соответствующей проблематики, которую каждый представлял по-своему, не заслоняла эту общую смысловую заданность совместной работы. А сколько «круглых столов» по самым дискуссионным проблемам современности организовывал сектор теории познания!

Я думаю, что эта сторона деятельности сектора имеет далеко не местный характер. Она выражает саму суть философии. Ибо строится философское знание, особенно сегодня, не путем утверждения самозамкнутых, монологических концептуальных конструкций. Формируется оно в контексте общения, а не в изолированной келье, ибо только на пересечении различных точек зрения реальность раскрывается как нечто цельное, раскрывается в ракурсах смысла, сохраняющих свои особенности, свой момент субъективности, но принципиально не теряющих из виду иные взгляды. Общение просто принуждает быть рефлексивным по отношению к своей концепции, к своему видению мира, к своей точке зрения, всегда открывающей лишь ракурс реальности, а потому нуждающейся в иных точках зрения. Это важно даже для коррекции способов выражения своих взглядов. Я помню, как Н.Н. Трубников, внимательно прочитав мою первую работу в секторе, отвел меня в сторону и тихо сказал мне: «Боря, у Пушкина есть фрагмент “О прозе”, ты его, видимо, не читал. Прочти. Мы же пишем для того, чтобы нас понимали».

В секторе прекрасно осознавали, что утверждение философского взгляда на знание есть дело, имеющее также и вполне определенные социальные следствия, в том числе и идеологические. О чем, кстати, Э.В. Ильенков говорил прямо [Ильенков 1979]. Более того, ориентированность сектора на философскую, по самой своей сути, тематику, на тематику, преодолевающую прямолинейную идеологическую партийность и выводящую к основаниям человеческого бытия, прекрасно осознавалась также и институтскими партдеятелями. Сектор не случайно был причислен к разряду ревизионистских и подлежащих разгону. Интересно сейчас вспомнить, как сектор все же сохранился тогда.

В секторе была подготовлена книга «Гносеология в системе философского мировоззрения». Книгу эту мотали туда-сюда стараниями тогдашнего директора ИФ АН СССР Украинцева и его компании. Наконец, эта книга попала в издательство

«Наука», где мой друг и однокурсник Валера Шукон возглавлял соответствующий отдел. И вот этот отдел посетила В. Скаржинская, известный борец с ревизионизмом. Она стала рассказывать про дела институтские, про планы руководства и так, видимо, распалилась, что выдала: мы, мол, разогнали отдел исторического материализма, а теперь у нас в планах разогнать гнездо ревизионизма — сектор теории познания. А дальше ситуация начала разворачиваться по логике тех времен. Валера рассказал мне, рассказал Владиславу Александровичу. А затем он написал докладную записку в ЦК с жалобой: «...это что ж такое делается, сектор собираются разогнать как ревизионистский, но одновременно руководство Института предлагает мне издать книгу, написанную ревизионистами? И меня тоже хотят уволить?» Поднялся шум. И сектор на время оставили в покое. Кстати, и перед этими событиями сектор был на грани уничтожения, когда Борис Дынин уехал. Судьба сектора тогда зависела от того, какой выговор получит Владислав Александрович. Получит «выговор с занесением» — тогда разгонят! Выговор без занесения — тогда можно жить и работать дальше². И это пережили.

Когда сектор переименовывали, желая лишить его статуса ведущего, все сотрудники дружно приняли новое название, поскольку оно позволяло им продолжать делать то, что они делали и прежде — разрабатывать целостное философское представление о феномене человеческого сознания, в основании которого лежит знание. И хотя Е.П. Никитин и В.С. Швырев имели тогда в виду свое, а Э.В. Ильенков и Г.С. Батищев — свое, все они тем не менее трактовали знание как культурный феномен, как важнейшее основание европейской культуры. Н.Н. Трубников, Б.С. Дынин, Н.С. Мудрагей акцентировали экзистенциальную составляющую этой роли знания, Г.С. Батищев подчеркивал понимающую функцию познания, Е.П. Никитин — мировоззренческую, Э.В. Ильенков — категориальную. Но сотрудники стремились не терять общую, реализующуюся в их общении, ориентацию на целостное осмысление феномена знания. А руководитель сектора стремился синтезировать различные подходы, стремился удерживать их общеподобные измерения, не позволяя погружаться с головой в узконаправленную концептуально-аналитическую игру с теми или иными аспектами познания (будь то диалектическая или формально-логическая игра). И здесь, замечу, весьма эффективно срабатывал удивительный дар критического мышления Владислава Александровича.

И именно поэтому столь важны для познания вообще, а для философского в особенности формы коммуникации, позволяющие сохранить момент личного общения — разговора, беседы, в которых только и возможен непрерывный обмен взглядами и, соответственно, взаимное обогащение позиций. Это относится и к прямым и к косвенным (опосредованным) формам общения. В секторе такого рода опосредованное обращение к историко-философским или к современным, но недоступным для непосредственного общения, персонажам постоянно присутствовало в обсуждениях. Причем к текстам этих персонажей обращались не для подтверждения авторитетом, а для того, чтобы выявить в них новые смысловые нюансы, отвечающие на наши вопросы. Это касалось апелляций даже к текстам классиков марксизма. И к ним обращались, чтобы побеседовать, чтобы продолжить разговор «о самом главном». На меня тогда, после прослушивания стандартных университетских курсов, все эти заочные, в буквальном смысле слова, беседы произвели огромное впечатление. Чтобы пояснить свое восприятие происшедшего тогда на моих глазах, я воспользуюсь цитатой философски мыслящего ученого, внесшего весьма заметный вклад в отечественную науку. Лузин писал: «Когда я, сибиряк из города Томска, — пишет он в своем письме-исповеди, — впервые попал в недра большой школы, у меня создалось странное ощущение. О носителях прославленных имен говорили в таком тоне, как будто бы к ним можно было пойти на чашку чая, хотя уже столетие или два столетия, как они умерли. Их идеи, их образы, их манера мыслить буквально висели в воздухе, и для меня само время стало исчезать. Я переставал порою понимать, идет ли речь о лице, который еще читает лекции, или он, человек блестящих имен, давно отошел. Грань времени стерлась, и я, через посредство живых, вступил в столь же живое общение с отошедшими. Чувство было очень странное, непривычное и поражающее» [Лузин 2003, 404].

И я думаю, сохранение этих традиций общения в научном коллективе является важнейшим условием современности сектора теории познания. На мой взгляд, именно из такого философского, по своей сути, понимания теории познания проистекала удивительная чувствительность сотрудников сектора к тому, что происходит вокруг — в науке, в сфере гуманитарного сознания, в обществе. Еще в те годы в секторе появились работы о кризисных тенденциях в науке, работы о неклассической эпистемологии, контуры которой в своей книге четко представил Владислав Александрович. Еще в 1970-е гг. появились работы Н.Н. Трубникова, который заострял общекультурные и экзистенциальные аспекты эпистемологической проблематики (опубликованы они были уже после его смерти, см.: [Трубников 1996]). В те же годы Е.П. Никитин, автор классической книги об объяснении в науке, начал писать о распадении внутреннего мира современного человека, о «разбегающейся духовной вселенной» [Никитин 2004]. Об открытой рациональности писал В. С. Швырев. Э.В. Ильенков вообще всегда в этом направлении работал. Непрерывно говорил об этом Батищев. И было так потому, что работа в секторе была не теоретическими упражнениями, но поиском истины.

Примечания

¹ Нелли Степановна Мудрагей назвала (вслед за Воннегутом) наше секторское содружество карассом, под которым понимается «...неформальное сообщество людей, характеризующееся признаками личного знакомства, близкого социального положения, сходного душевного и духовного настроения» [Мудрагей 2014, 443].

² Как вспоминал В.А. Лекторский: «...если выговор с занесением, то он шел в райком партии. И могли исключить из партии просто. А если без занесения, то в райком партии не шел. Это был важный вопрос. В парткоме голосовали».

Источнику — Primary Sources in Russian and Russians Translations

Голосовкер 2010 — *Голосовкер Я.Э.* Избранное: Логика мифа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010 [Golosovker, Yakov E. *Selected: The Logic of Myth* (In Russian)].

Ильенков 1979 — *Ильенков Э.В.* Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 128–140 [Ilyenkov, Evald V. *The problem of the ideal* (In Russian)].

Лузин 2003 — Письмо-исповедь академика Николая Николаевича Лузина // Русская наука в биографических очерках. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 400–408 [*Letter of confession of Academician Nikolai Nikolaevich Luzin* (In Russian)].

Мудрагей 2014 — *Мудрагей Н.С.* Membra sumus corporis, или Наш карасс по Воннегуту // Культурно-историческая эпистемология: проблемы и перспективы. К 70-летию Бориса Исаевича Пружинина / Отв. ред.-сост. Н.С. Автономова, Т.Г. Щедрина; науч. ред. Т.Г. Щедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 443–450 [Mudragey, Nelly S. *Membra sumus corporis, or Our karass by Vonnegut* (In Russian)].

Никитин 2004 — *Никитин Е.П.* Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? М.: РОССПЭН, 2004 [Nikitin, Yevgeniy P. *Spiritual world: an organic cosmos or a dispersing universe?* (In Russian)].

Торнгейт 2015 — *Торнгейт У.* Истина о важном и интересном // Топосы философии Наталии Автономовой. К юбилею / Отв. ред.-сост. Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 490–496 [Thorngate, Warren *The truth about importance and interest* (Russian translation, 2015)].

Трубников 1996 — *Трубников Н.Н.* Притча о белом ките // Трубников Н.Н. О смысле жизни и смерти. М.: РОССПЭН, 1996 [Trubnikov, Nikolay N. *The parable of the white whale* (In Russian)].

The Department of Theory of Knowledge as a Type of Philosophical Interaction, or on the Role of Knowledge in Culture

Boris I. Pruzhinin

Due to diversity of philosophical theories and necessity of their correlation the principal role for the dynamics of knowledge is played by the special type of interaction, that is formed inside philosophical community. The specific of philosophical communication is first of all connected with the recognition of existential conditioning of knowledge, conducted by its participants. Undoubtedly the recognition of knowledge's value in this or other way is present in the work of any scientific community, but in philosophy it gains special importance. Communication is a condition of philosophy's positive dynamic in all its spheres. In the article this thesis is validated on the example of historical experience of the Department of Theory of Knowledge of Russian Academy of Sciences, the 40th anniversary of which is celebrated in 2018. During the co-work of the Department's members the discrepancies in their conceptual positions retreated, and the attentive relation to other, sometimes opposite, views prevailed. The author recalls how the members of the Department communicated, even if they stood on different philosophical attitudes, how attentively they listened to each other's arguments, not backing away from their own views. To prove this position the author also relates on the experience of conference's preparations on the base of the Department of Theory of Knowledge.

KEY WORDS: theory of knowledge, knowledge, communication, interaction, personal attitudes, historical tradition.

PRUZHININ Boris I. – DSc in Philosophy, Editor-in-chief of Journal “Voprosy Filosofii”, Professor of the School of Philosophy of the National Research University – Higher School of Economics, Moscow.

prubor@mail.ru

Received at May 25, 2018.

Citation: Pruzhinin, Boris I. (2018) ‘The Department of Theory of Knowledge as a Type of Philosophical Interaction, or on the Role of Knowledge in Culture’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2018), pp. 13–19.

DOI: 10.31857/S004287440001149-8